

Тамара Морщакова

Три сюжета из далекого и недавнего прошлого

С чего начать? С «Мемориала» – как имени собственного? Хотя это давно уже для современников не наименование, а больше имя нарицательное, понятие – в роде символа веры. С ним связаны уникальные акции по сохранению исторической памяти, архивные исследования и книги о красном терроре, скрупулезное восстановление фактов и статистики политических репрессий в стране, реабилитации их жертв, активная правозащитная деятельность, организация значимых общественных дискуссий, просветительская работа, уникальные издательские проекты (как «Папины письма» или «Убиты в Катыни»), школьные конкурсы, экскурсии, обсуждение кинопоказов, кинофестивали etc. Но «Мемориал» – это всегда и Арсений Борисович Рогинский. Надеюсь, что простится мне определенная, шутливая в какой-то мере, аналогия с известным поэтическим образом: мы говорим Мемориал – подразумеваем Рогинский и, конечно же, наоборот тоже. Так естественно и неотделимо! Профессионализм, последовательность на избранном поприще, честность, самоотверженность и ответственность во всех начинаниях, думаю, объединяют мемориальцев, несмотря ни на что.

На днях в рукописи, посвященной исследованию непростого положения судебной власти в так называемых транзитных странах, стремящихся к верховенству права, обратила на себя внимание цитируемая автором следующая фраза Ш.Л. Монтескье: «Нужно быть правдивым во всем, даже в том, что касается Родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою Родину, но никого нельзя обязать лгать во имя Родины». Пронзительно и на все времена! Подумалось, что именно об этом не раз говорил и говорит в своих публичных выступлениях А.Б. Рогинский – не только как общественный деятель, но и как серьезный историк по своей научной профессии.

Вопреки модно-государственническим стремлениям к единообразной трактовке истории, имеющим в виду ее использование как средство идеологического порядка, подлинное историческое знание немислимо, когда муссируется, по образному выражению А.Б., «версия всегда счастливого и всегда героического прошлого» страны. Когда из-за наших «невыученных» или, напротив, «слишком прочно выученных уроков истории» (цит. из А.Б.) сохраняется только общая традиционная память о покорности народа, не взыска к личной памяти людей, к уважению разной их истории, к развенчанию привычных идеологем, заблуждений, ошибок, даже преступлений власти, к «переработке прошлого» – иначе человек не становится мыслящим и реально действующим субъектом истории – своей и своей страны. Это хочется принять как манифест. И с ним не расходится ни аналитика историка А.Б. Рогинского, ни его практика общественного деятеля. По гамбургскому счету – нормально! Без пафоса, с предельной добротой к другим, но всегда последовательно.

Наиболее запомнившиеся моменты встреч и сотрудничества с председателем знаменитого «Мемориала», демонстрирующие эту гамбургскую требовательность, по понятным причинам имеют у меня определенную юридическую окраску. В ряду многих общественных деятелей, занимающихся правозащитой, Арсения Борисовича отличает глубокое понимание ценностей права. И это представляется результатом не просто огромного культурного багажа и опыта, но, наверное, еще и обостренного правового чувства справедливости.

Первый сюжет касается Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Тогда А.Б. участвовал в деятельности Верховного Совета РСФСР в качестве эксперта Комитета по правам человека, а также Комиссий по передаче архивов КПСС и КГБ на государственное хранение и по реабилитации жертв политических репрессий. Депутаты, работавшие над текстом закона о реабилитации, восприняли не только идею реабилитации, но и заявленную в проекте общую концепцию закона, объявлявшего целью реабилитацию «всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных

последствий произвола и обеспечение посильной на тот момент компенсации материального и морального ущерба». Эти закрепленные в преамбуле закона идеи универсальной реабилитации жертв политических преследований как обязанности российской власти в целом, включая признание и возмещение репрессированным также морального ущерба, отстаивал А.Б. Рогинский как эксперт законодательного органа власти.

Эти идеи он продолжает обосновывать и сейчас, настаивая на том, что полная реабилитация далеко не осуществлена, что должен быть еще также принят акт, «который реабилитирует всех лиц, пострадавших за то, что в 1918–1920 годах они с оружием в руках боролись против советской власти», что надо дать «государственную историко-правовую оценку красному и белому террору» как «чудовищному преступлению... против мирного населения», что до сих пор не реабилитированы и критики этой бывшей власти, репрессированные много позже – уже в предперестроечные годы XX века.

Но тогда, в последнее десятилетие прошлого века, законодателю все же удалось сформулировать широкий перечень категорий репрессированных и подлежащих реабилитации лиц, как предлагал А.Б. Рогинский. Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, выражая глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, Верховный Совет Российской Федерации признал право на реабилитацию за лицами, репрессированными через суды и внесудебные органы, и не только за осужденными и подвергнутыми ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иным ограничениям прав и свобод в административном порядке, но и за необоснованно помещенными (по суду и без суда) на принудительное психиатрическое лечение или признанными по политическим мотивам социально опасными и подвергнутыми ограничениям без предъявления какого-либо обвинения в совершении преступления.

Эта программа, которая была определенным прорывом в возвращении российскому народу общечеловеческой ценности уважения достоинства личности, остается актуальной и теперь, когда власть начинает отказываться от покаяния в причинении жертвам политических репрессий морального вреда, уменьшает объем и делегирует субъектам Российской Федерации выполнение уже признанных ранее федеральных полномочий по возмещению материального вреда, не обеспечивая ни равенства, ни сколько-нибудь реальных его гарантий. И историк А.Б. Рогинский по-прежнему прямо говорит об этом – как о свидетельстве недопустимой исторической забывчивости и политической неадекватности современников¹. Очевидно, что конституционный запрет снижать уже достигнутый уровень гарантированных прав и свобод – как следствие осознанной истории – выражает то же самое.

Второй сюжет связан с участием А.Б. Рогинского как эксперта в рассмотрении Конституционным Судом РФ в 1992 г. так называемого дела КПСС. К началу рассмотрения этого дела специальная комиссия при Президенте РФ по архивам уже рассекретила закрытые, порой сенсационные, как пишет об этом докладчик по данному делу судья КС РФ А.Л. Кононов², документы о внутренней и внешней политике СССР: были открыты многие не подлежавшие до тех пор разглашению страшные страницы советской истории, сложившиеся неправовые и незаконные практики вмешательства КПСС во все сферы государственной, общественной и личной жизни. Сторона, оспаривавшая в суде конституционность Указов Президента о прекращении деятельности КПСС, защищая эту партию и ее российскую преемницу, вообще опровергала допустимость использования таких ранее секретных материалов в открытом судебном процессе. Представители другой стороны, обосновывавшие конституционность Указов, напротив, активно представляли и

¹ Арсений Рогинский (old.novayagazeta.ru/st/online/181795/181796.html).

² См.: Материалы дела о проверке конституционности Указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. Т.6. М.: Спарк, 1999. С. 4–6.

цитировали их в суде, предъявляли свидетелям и экспертам. К изучению этих материалов судом были привлечены ученые – историки и архивисты, изложившие свои выводы в приобщенном к материалам дела экспертном заключении. Среди четверых экспертов был и А.Б. Рогинский. Основываясь на собранных документах, с учетом представленного экспертного заключения, КС РФ констатировал в своем постановлении от 30 ноября 1992 г.³, что руководящие структуры КПСС «установили режим неограниченной, опирающейся на насилие власти», «присвоили⁴ государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти». В подтверждение этих выводов КС РФ ссылался на непосредственно изученные им и исследованные экспертами документы, из которых следовало, что руководство КПСС, действуя «в подавляющем большинстве случаев втайне от народа и от рядовых членов партии», решало вопросы, «входящие в компетенцию государственных органов», фактически руководило органами КГБ и другими силовыми ведомствами, производило назначения на государственные должности, контролировало средства массовой информации, и, наконец, что партийным руководством были поддержаны неконституционные действия ГКЧП в августе 1991 г.

Тогда этот процесс еще раз продемонстрировал объективное историческое и практическое значение доступности, изучения, научной обработки, обобщения и возможности использования документальных фондов, смысл упорного отстаивания их открытости. Многие архивные справки и документы, использованные, приобщенные тогда к материалам дела, были получены судом из рук эксперта-историка А.Б. Рогинского. Отдельная последняя книга изданного московским издательством «Спарк» шеститомного стенографического отчета заседаний КС РФ по этому делу, которые длились почти полгода, содержит значительное число этих документов, во многих случаях факсимильных. Постановление суда в той части, где были сформулированы требования к созданию, организации структур и деятельности политической партии, не было исполнено – российской действительности остается неизвестным автономное понятие партии в демократическом обществе. Поэтому использованные судом исторические документы и поучительны, и настораживают.

Третий сюжет: «Пермь-36», известный в стране и мире историко-просветительский музей, созданный в разрушавшихся бараках и других постройках единственного сохранившегося на территории бывшего СССР из страшных гулаговских лагерей, где содержались также политзаключенные. Получилось побывать там только в 2012 г. Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма «Пермь-36», созданный в 1991–1995 гг., был идейным и рукотворным детищем активистов-мемориальцев. Появившийся благодаря инициативе и многолетней исследовательской и организационной работе пермского отделения общества «Мемориал» и Международного общества «Мемориал» в сотрудничестве с Уполномоченным по правам человека в Пермском крае, музей получил, хотя далеко не сразу, и поддержку краевого правительства. Прославился он, однако, не только своими музейными успехами, ежегодным и популярным международным гражданским форумом «Пилорама», но и научными исследованиями, ежегодными школами по музееведению, а также широкой просветительской работой во всех школах края, участием в системе повышения квалификации для преподавателей истории, лекциями, постоянно действующими семинарами и конференциями, конкурсами по отечественной истории и литературе, литературными чтениями и спектаклями, передвижными выставками, дискуссионными клубами, одним словом, целеустремленной, постоянной и эффективной просветительской деятельностью, связанной, в том числе с восстановлением и сохранением исторической памяти. После закона о реабилитации жертв политических репрессий и в одном ряду с ним музей реально был вторым по значению событием-памятником, российской работой над ошибками, обращал к их сути. В сотрудничестве с международными специалистами

³ См.: Конституционный Суд РФ. Постановления. Определения, 1992–1996 / сост. и отв. ред. Т.Г. Моршакова. М.: Новый юрист, 1997. С. 230–260.

⁴ По Конституции РФ 1993 г. (ч. 4 ст. 3) такие действия, нарушающие запрет присваивать власть, преследуются по федеральному закону.

разрабатывались планы дальнейшего развития музея, который уже был включен экспертами ЮНЕСКО в список 100 подлежащих охране памятников.

Такие планы не могли не вдохновлять авторов идей и активистов музея, и среди них всегда был Арсений Борисович Рогинский. Мое тогдашнее везение как гостя «Пилорамы – 2012» состояло в том, что он взялся лично показать мне комплекс «Пермь-36» – в наглядном бытии музейной жизни и коллективного творчества участников трехдневного форума – иначе не воспринималось то, что разворачивалось среди них всех, становившихся заинтересованными соавторами любого пилорамного события: различных экскурсий, дискуссий, культурных проектов, концертов, встреч, публичных пресс-конференций.

Это был довольно неожиданный, но вселявший оптимизм фон для знакомства с музеем. Рассказ же А.Б. о музее, наполненный человеческим переживанием когда-то происходившего за лагерными решетками и замками, казался своей детальностью похожим на воспоминание. И в то же время присутствовало в этом внутреннее негодующее недоумение: как могло такое происходить? Наверное, так ощущается невыдуманная история народа. Поэтому и реальные помыслы, о которых говорилось в сопричастном этому музейном сообществе, были наполнены стремлением и надеждами сохранить овеществленную память прошлого ГУЛАГа как свидетельство мужества поколений, переживших страшные годы произвола, и знаковое предупреждение на будущее для их потомков.

А.Б. показывал этот комплекс лагерных построек сталинской эпохи, рассказывал о практиковавшихся в нем «порядках» для заключенных, в том числе для находившихся в лагерном отделении особого режима, аналогичных пыточным: слепые камеры-склепы с прорезями окон, специально устроенных так, чтобы не было видно ни соседнего зарешеченного окна, ни дворового пространства за стеной, с убирающимися на все время, кроме сна, металлическими нарами, механика которых, управляемая охранниками извне, грозила узнику при потере напряженной осторожности смертельным увечьем, с прогулочными приткнутыми к барачной стене клетками на два шага и считанные минуты при охраннике на крыше прямо над головой, с полной изоляцией заключенного также в помещении для работы, в условиях постоянного голода, с издевательски организованными проверками при любом перемещении и ограничением любых контактов внутри лагеря и с внешним миром – со всем невыносимым и неподдающимся описанию набором изобретений для постоянного унижения человеческого достоинства. Так «сидели» даже не разбойники, не убийцы, хотя для них, по современным, не нашим, к сожалению, стандартам, тоже не допускаются пытки и унижения, потому что считается, что государство в отношении людей, находящихся полностью под его контролем, не может позволять себе такие действия, которые в праве считаются преступными. Среди жертв (на их месте мог оказаться любой) репрессивной юстиции, т.е. и не юстиции вовсе, а преступлений власти, были писатели, деятели культуры, так называемые националисты, ученые, религиозные деятели, деятели коммунистического интернационала. О них в музее собраны уникальные сведения. Музей своей доказательностью и наглядностью обращает каждого нормального человека к вопросу о том, зачем это было нужно. Или это тот самый случай, когда «сон разума рождает чудовищ». Тогда вряд ли возможно признавать организовавшую подобное государственную власть легитимной, вряд ли и она сама чувствовала себя легально устроенной. Не потому только, что появилась в результате переворота, совершенного никем не представлявшими, кроме себя, безответственными и безнравственными фанатами. Один из героев Ю. Домбровского цитировал из Сенеки: «Злодейства безопасными бывают, спокойными они не могут быть». И музей «Пермь-36» заставляет его посетителей не забывать об этом, задавая неудобными и недоуменными вопросами. Как и существующие в разных странах мира музеи Холокоста!

Однако в последние годы история самого музея развивалась – в противовес ожиданиям – трагично. Международный гражданский форум «Пилорама – 2012» оказался последним. Новый губернатор и правительство Пермского края в 2012–2013 гг. отказались от сотрудничества с музеем в прежнем формате. Изначальный организатор музея – автономная некоммерческая

организация – находится в стадии ликвидации. Все составлявшее базу их деятельности имущество музея, включая приобретенное на внебюджетные средства оборудование, экспозиции и выставки, музейные фонды, архив и библиотеку, попало в распоряжение зарегистрированного министерством культуры Пермского края государственного автономного учреждения культуры «Комплекс жертв политических репрессий», ориентирующегося на историю (наверное, славную?) исправительных учреждений страны. Реорганизация привела уже к резкому сокращению числа посетителей, в результате большая часть зданий может быть законсервирована, а в перспективе не исключена возможность ликвидации музея по причине его невостребованности.

Нельзя не согласиться с правотой историка Рогинского в его выводах о том, что сюжеты, связанные с сохранением исторической памяти, с реабилитацией жертв репрессий, с выявлением и анализом оснований ответственности властей за такие деяния преступного характера, в отношении которых по международным и национальным стандартам не действуют сроки давности, и, тем более, с переработкой прошлого в интересах будущего, не завершены. Это более чем актуальное сейчас видение историка востребовано к публичной дискуссии и воплощению в процессах необходимых российских преобразований.